

УДК 821.111-94(73)+94(438)
ББК 84(7Coe)-44+63.3(4Пол)
Г31

Rena Kornreich Gelissen, Heather Dune Macadam
Rena's Promise
Печатается с разрешения издательства *Beacon Press*
и литературного агентства
Prava I Prevodi International Literary Agency.

Гелиссен, Рена Корнрайх.

Г31 Клятва. История сестер, выживших в Освенциме / Рена Корнрайх Гелиссен, Хэзер Дьюн Макадэм ; [перевод с английского Г. Л. Григорьева]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. : ил. — (Проза истории).

ISBN 978-5-17-123277-1

Рена и Данка — сестры из первого состава узников-евреев, который привез в Освенцим 1010 молодых женщин. Не многим удалось спастись. Сестрам, которые провели в лагере смерти 3 года и 41 день — удалось.

Рассказ Рены уникален. Он — о том, как выживают люди, о семье и памяти, которые помогают даже в самые тяжелые и беспросветные времена не сдаваться и идти до конца. Он возвращает из небытия имена заключенных женщин и воздает дань памяти всем тем людям, которые им помогали. Картошка, которую украдкой сунула Рене полька во время марша смерти, дала девушке мужество продолжать жить. Этот жест сказал ей: «Я вижу тебя. Ты голодна. Ты человек». И это также значимо, как и подвиги Оскара Шиндлера и короля Дании. И также задевает за живое, как история татуировщика из Освенцима.

УДК 821.111-94(73)+94(438)
ББК 84(7Coe)-44+63.3(4Пол)

ISBN 978-5-17-123277-1

© by Rena Kornreich Gelissen
and Heather Dune Macadam, 1995, 2015
© Г.Л. Григорьев, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Дорогие мама и папа!
Эта книга посвящается вам.
Я пятьдесят лет мысленно
рассказывала вам эту историю.
Наконец-то она опубликована,
и мне больше не надо передавать
ее из уст в уста.*

С любовью к вам. Рена

*А это для Данки:
Без тебя не было бы и самой истории.*

*Общего у людей все-таки больше,
чем того, что их разъединяет.
И никто из нас не должен вставать
над другими.*

— *Майя Энджелоу*

*Когда появится пришелец
в земле вашей, не притесняйте его.
Пришелец, поселившийся у вас,
да будет для вас то же,
что местный житель:
любите его, как себя...*

— *Левит 19:33–34*

Содержание

<i>Предисловие</i>	8
Рена.....	17
Тылич	24
Словакия.....	49
Аушвиц	70
Биркенау (Аушвиц-2).....	107
Штаб СС	202
Нойштадт-Глеве.....	254
<i>Эпилог</i>	264

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Мое сердце не настолько велико, чтобы вмещать в себя еще и ненависть.
Ненавидеть — значит позволить
Гитлеру одержать победу.*

— Рена Корнрайх Гелиссен

— А вам-то что до всего этого?

Такой вопрос задала мне одна женщина, когда мы стояли на крыше бруклинской многоэтажки, где я со своими гостями отмечала двадцатилетие выхода в свет «Клятвы». Эту женщину (не стану называть ее имя) только что представили мне как человека, хорошо известного в кругу людей, переживших Холокост. Ну как же: при чем тут вообще я — американка-нееврейка (то есть шикса*, чего уж там!), которая просто выступила техническим соавтором?

До того момента мне никогда не приходило в голову, что Холокост может восприниматься как нечто сугубо личное — то, чем не стоит делиться с остальным миром.

В те времена, когда я писала текст первого издания, у меня не было денег, чтобы съездить в Польшу, а в 1995 году, когда книга вышла, я — хотя меня звали с собой Питер Маттиссен** и дзен-

---

* Шикса — обозначение евреями нееврейки (происходит от ивритского слова «шэкэц»(שקצ) — мерзость, нечистое насекомое). — *Примеч. ред.*

** Питер Маттиссен — американский писатель (1927–2014). — *Примеч. ред.*

ские миротворцы — не смогла поехать в Аушвиц, поскольку чувствовала себя интеллектуально и эмоционально не готовой к встрече с этим страшным местом. Для того чтобы решиться на такую поездку, мне потребовалось почти 20 лет. В 2012 году я, наконец, нашла в себе силы для нее, но сперва заехала в словацкий город Попрад, откуда отправился в свое время в лагерь первый состав с 998 девушками. [1] Я прибыла в Попрад накануне семидесятой годовщины этого события и обнаружила, что я далеко не единственный человек, отдающий дань памяти тем временам. Горели свечи, лежали цветы у памятной доски с надписью: «Здесь была железнодорожная станция, с которой 25 марта 1942 года в концентрационный лагерь Аушвиц отбыл первый состав с тысячей словацких еврейских девушек». Печальную годовщину в Словакии отмечали широко. Поезд памяти, следующий из Попрада в Аушвиц, вмещал в себя выживших бывших узников, а также студентов, историков и следопытов. В мероприятии приняли участие даже премьер-министр Словакии Ивета Радичова и ее заместитель Ян Фигель. В Восточной Европе всё, что связано с первым составом, широко известно — но на Западе я то и дело встречаю людей, которые никогда не слышали о том, что в первом «еврейском» составе, следующем в Аушвиц (как, впрочем, и в следующих трех, отправленных из Словакии), находились только женщины. К 3 апреля 1942 года в Аушвице было уже 4760 евреек.

Тем вечером, когда я приехала в Попрад, произошло еще одно событие. Я обнаружила там родных Аделы Гросс, а они познакомились со мной. Оставшиеся в живых родственники Аделы каждый год посещают Попрад, чтобы почтить память семнадцатилетней сестры и тети, потерянной ими в 1942-м. В 70-ю годовщину — то есть 70 лет спустя — они узнали, наконец, что случилось с Аделой в Аушвице: узнали благодаря этой книге.

После той моей поездки я нашла и других людей, чьи матери и другие родственники оказались вместе с Реной в первом составе. От одного из них я узнала, что в архивах *Яд Вашем** в Израиле хранится оригинал списка, содержащего имена всех 998 женщин

---

* Яд Вашем — музей в Иерусалиме; ивритское слово «яд» означает здесь «место памяти». — *Примеч. ред.*

из первого состава. Так был получен дополнительный материал для настоящего переиздания книги с точной информацией о первых еврейках в Аушвице. Сегодня нам известно, что в первом составе находились 297 девушек-подростков, 521 женщина в возрасте «за двадцать», 151 женщина «за тридцать», 40 женщин «за сорок», а одной женщине (ее звали Этела Ягерова) было 58 лет. Может, она заняла место, спасая дочь или внучку? Мы никогда об этом не узнаем; нам известно лишь, что она погибла 5 сентября 1942 года.

Одним из самых поразительных фактов было то, что многие девушки в первом составе ехали со своими родственницами, и именно поэтому данная книга имеет подзаголовок «История двух сестер, выживших в Освенциме». Это не просто история о Рене и ее сестре Данке. В лагере находилось множество других сестер, включая Эрну и Фелу Дрангер (они, как и Рена с Данкой, тоже родом из польского городка Тылич), а также сестер Шварцовых — Мими (№ 1066), Целию (№ 1064), Регину (№ 1065), — все трое чудесным образом выжили.

Лидия Марек, которая помогла мне найти этот список через *Яд Вашем*, — это дочь Марты Мангеловой (№ 1741), которая пережила Аушвиц вместе с семьей двоюродными сестрами благодаря тому, что одну из них назначили старостой блока и ей удалось переместить в свой блок всех родных, так что она могла за ними присматривать. Есть и другие удивительные примеры выживания, но у большинства девушек, оторванных от семей в марте 1942-го, жизнь оборвалась в Аушвице. [2]

Так почему же эта история столь важна сегодня? Зачем нам уделять внимание судьбам тех молодых женщин? «Вам-то что до всего этого?» Я надеюсь, данная книга поможет читателю найти ответы на эти вопросы.

После 1995 года многие бывшие узники, пережившие Холокост, опубликовали свои воспоминания о том, как им удалось уцелеть. Они хотели донести свои истории до грядущих поколений. Но рассказ Рены все равно остается уникальным — и не только потому, что она провела в лагерях много времени, но еще и потому, что она оказалась в числе доставленных туда первым составом (историки используют термин «первый зарегистрированный случай массовых перевозок»). [3]

Поскольку время пребывания Рены в лагерях было столь долгим, мне пришлось отказаться от примечаний в конце книги и использовать сноски внизу страниц, чтобы отслеживать хронологию. Выстроить повествование во времени — задача невыполнимая, если в твоём распоряжении нет того или иного **исторического контекста**, и порой единственным источником, позволявшим датировать события, оказывались погодные данные. Имея готовую хронологию, читатель получит возможность рассматривать события в контексте — возможность, которой Рена была лишена в лагерях. Кроме того, прибегая к архивам погодных сводок, я сделала все возможное, чтобы описываемые события — если известна дата — соответствовали реальным климатическим условиям той местности.

Двадцать лет назад, когда писалась эта книга, у нас не было доступа ко всей информации. Кроме рассказа самой Рены мы использовали работы историков Дануты Чех, Джона Рота и Кэрол Риттнер — вот практически и все наши источники. Ирена Стржеleckая, которая в то время руководила исследовательской работой в Государственном музее Аушвиц, до знакомства с Реной никогда раньше не встречалась ни с кем из первого состава и использовала фрагменты ее истории в своих разделах книги «Трагедия евреев Словакии. 1938–1945».

Часть этой трагедии состояла в том, что словацкое правительство продавало евреек в рабство РСХА (германскому Главному управлению имперской безопасности) и они потом бесследно исчезали из жизни своих семей и из истории. Сегодня мы можем вернуть этих женщин в историю. Мы знаем о них и можем почтить их память, вспомнив их имена.

В рассказах уцелевших женщин немало говорится о том, как узницы помогали выжить своим родным и подругам. Однако они относились к поколению женщин, в большинстве своем предпочитавших хранить молчание о выпавших на их долю испытаниях — некоторые стремились уберечь от этого своих детей или мужей, другие просто не хотели вспоминать те страшные годы, проведенные в лагерях. Я однажды познакомилась с женой

раввина, которая никому из синагоги ни разу не обмолвилась, что была в первом составе, следующем в Аушвиц.

Рена решила рассказать свою историю по нескольким причинам, но самой важной из них было желание воздать дань памяти всем тем людям, которые ей помогали. И именно это ее бескорыстие побудило меня целиком отдаться работе с ее историей. Наше сотрудничество началось не с юридического договора, а с рукопожатия, и поскольку я была бедной студенткой, получавшей минимальную зарплату в копировальном салоне, Рена и ее муж Джон каждый месяц давали мне по 50 долларов на бензин. Вот так все это и происходило. Каждую субботу, оставив рабочую неделю позади, я с утра садилась за руль, проезжала 265 километров до дома Рены и Джона и слушала ее рассказы. Уже после выхода книги я много лет ездила к ним в гости — на дни рождения и другие праздники или просто потому, что мы соскучились друг по другу.

Самое главное, о чем Рена хотела рассказать читателю, — это множество маленьких подвигов, которые спасли ей жизнь. Те, кто помогал ей, часто были обычными сельскими жителями, военнопленными, необязательно евреями. Идет ли речь о польке, которая тайком передала ей две картофелины и два вареных яйца во время Марша Смерти, или о лекарствах, что добыли для нее другие узники, когда она работала на сушке белья, — каждый из этих поступков был не менее значим для Рены, чем для истории монументальные подвиги Оскара Шиндлера или короля Дании. Картошка, которую украдкой сунула ей полька, дала Рене мужество продолжать жить и стала пищей не только физической, но и духовной. Этот жест сказал ей: «Я вижу тебя. Ты голодна. Ты человек».

Кроме того, Рена, рассказывая нам свою историю, надеялась, что это поможет ей ослабить боль и горечь ее воспоминаний. Когда мы писали книгу, ей часто снились кошмары, и с утра она первым делом звонила мне — сообщить, что вспомнила еще один случай, о котором забыла упомянуть на прошлых выходных. Боль воспоминаний полностью не исчезла, но Рена много раз отмечала, как помогают ей письма читателей. В минуты

депрессии или тоски она зачитывала их мужу. Со мной они частенько делились по телефону очередной порцией почты, пересказывая, что они написали в ответ каждому из читателей. Свои ответные письма она всегда заканчивала словами: «С любовью к вам. Рена», поэтому мы поместили репринт этой подписи на титульном листе.

В эти простые слова Рена вложила всю душу: именно любовь к людям руководила ею, когда она стремилась поведать им о пережитых ужасах. «Клятва» — это ее письмо вам.

Одна из моих любимых историй про Рену — ее беседа со студентами-психологами из Университета Брауна. «Я чувствовала себя такой дурой среди этих умных ребят, — рассказывала она мне. — Я не знала, как отвечать на их вопросы. Они спросили, как мне удалось оправиться от Аушвица, а я им ответила, что родила детей».

Но разве это глупость? Да, у нее всего восемь классов школы, да, она чувствовала себя «деревенщиной неотесанной» среди более образованных людей, но она поняла и донесла до молодых людей главное: единственный способ пережить геноцид — это создать новую жизнь, изжить ненависть и заполнить ее место любовью. Это ее завет нам.

В 2006 году, когда Рена умирала, я была с ней рядом и на похоронах произнесла надгробное слово. Каждый день своей жизни я скучаю по ней, и в каком бы месте мира я ни оказалась, всегда привожу оттуда розовые камешки на ее могилу. Она любила розовый цвет.

В моем сердце по-прежнему звучит ее голос, и я надеюсь, его услышите и вы, когда прочтете ее историю. Знакомство с Реной, работа над этой книгой сделали меня лучше. Рена всегда первой вставала на защиту того, кто угнетен и обижен — кем бы этот человек ни был. Она понимала, что проявить доброе чувство к другому — значит признать в нем ЧЕЛОВЕКА, а не какое-то низшее существо, которое из него пытаются сделать. Именно в этом признании *человеческого* в любом человеке главный смысл сострадания.

«Мне-то что до всего этого?» — повторяю я себе вопрос женщины, который до сих пор звучит в моих ушах.

И отвечаю на него: я ведь женщина. И я человек.

Из наших совместных фотографий эту Рена любила больше всего. Мы сидим в комнате, где она рассказывала мне свою историю.

* * *

*В 2011 году был создан фонд *Rena's Promise Foundation*, чья миссия — способствовать рождению мира, где нет места предвзвешенным суждениям, расизму и ненависти. Если вы хотите помочь нести завет Рены или просто узнать об этом больше, посетите www.RenasPromise.com. Там вы найдете интерактивную хронологию узниц Аушвица, наш блог об исторических годовщинах и информацию о проекте *Promise Project*, посвященном исследованию судеб женщин из первого состава, следующего в Аушвиц.*

ПРОЛОГ

Я касаюсь шрама на левом предплечье у самого локтя. Выжженный там лагерный номер удалил хирург. Сколько людей, не имеющих никакого представления о происхождении такой «тагуировки», надоедали мне вопросами: «Что это у вас за цифры?», «Это ваш адрес?», «Это телефон?»

Как мне им ответить? Что 3 года и 41 день эти цифры были моим именем?

Один любезный врач предложил избавиться от них.

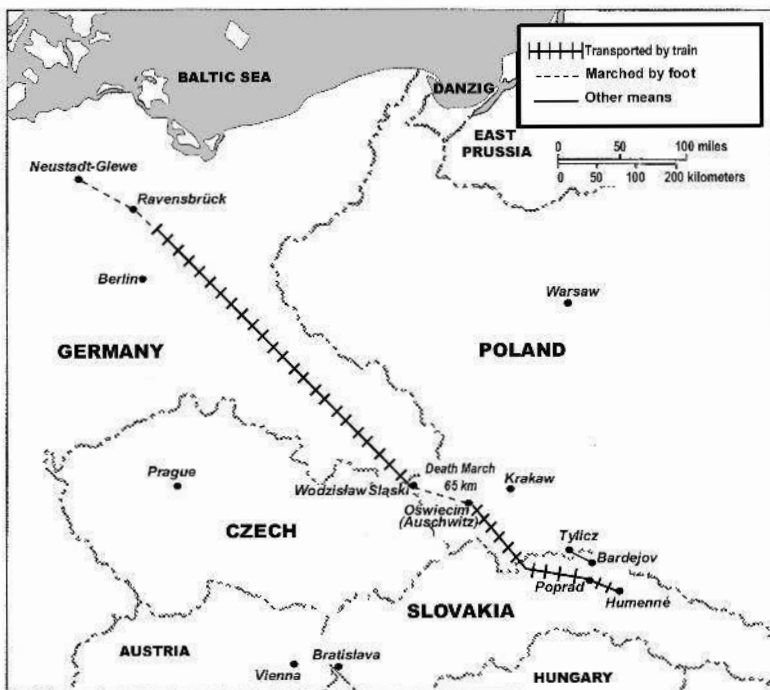
— Это не благотворительная акция, — заверил он. — Это меньше, что я могу сделать как американский еврей. Вы там были. А я — нет.

И я решила избавиться от вопросов, удалив эти цифры со своей руки. Но в душе-то они останутся, оттуда их не вытравить. Снятая врачом кожа хранится в склянке с формальдегидом, который выкрасил ее в жутковато-зеленый цвет. Цифры уже, наверное, не различить, я не проверяла. Мне не нужны напоминания. Я знаю, кто я есть.

И кем была.

Я была в том первом составе, отправляющемся в Аушвиц. Я была номером 1716.

*Рена Корнрайх Гелиссен,
январь 1994*

Карта перемещений Рены во время войны

РЕНА

Суббота, морозное январское утро. Я неторопливо веду свою машину — от предгорий Северной Каролины туда, где Голубые горы украшают своими гребнями серо-синий горизонт, словно застывшие во времени волны. На последнем крутом витке восточного раздела у меня перехватывает дух. Солнечные лучи над Эшвилльской долиной, словно доброе знамение, пронзают гряды облаков.

Я люблю эту дорогу. Она всякий раз поднимает мне настроение и оживляет душу. И это прекрасно, поскольку следующие четыре месяца мне предстоит ездить по ней еженедельно, а там, куда я направляюсь, меня ожидает отнюдь не безмятежный отдых. Меня ждут встречи с одной из немногих выживших евреек, оказавшихся в том самом первом составе до Аушвица, с женщиной, решившей поведать свою историю после 50 лет молчания.

До сих пор мы с Реной общались лишь дважды и сегодняшнюю встречу откладывали чуть ли не месяцами, но теперь, когда все праздники, как и сезон снежных бурь, уже позади, предлогов у нас больше не осталось. Мысли путаются в моей голове: мне не по себе от стоящей передо мной задачи. Помочь Рене рассказать ее историю — причем так, чтобы в процессе кого-нибудь из нас двоих не затянуло в омут мучительных воспоминаний, — дело непростое даже для психолога, а я всего лишь писатель.

Но я все равно хочу работать с Реной, и на то есть свои причины. Мои предки, квакеры, жили прямо у линии Мэйсона-Диксона^А. До Гражданской войны и во время нее они прятали у себя беглых рабов, а у моей бабки был первый в городе ресторан, гостеприимно принявший членов Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, когда те приехали пропагандировать гражданские права. С самого детства я знала, что, доведись моей

с семье жить в Европе во время Второй мировой, мы с риском для жизни пытались бы спасти евреев, да и кого угодно, кто попал бы на мушку нацистов. Последние несколько лет я была волонтером в психотерапевтическом центре при хосписе — помогала детям, потерявшим родителей или опекунов, написать книгу об их горе. Сейчас мне предстоит делать примерно то же самое, но в ином масштабе. И еще при том условии, что мы найдем с Реной общий язык. Я втайне опасаясь, что покажусь ей не подходящей для выполнения такой задачи: я же не еврейка и не полька, а американка, к тому же слишком молода. Возникнет ли необходимое доверие?

Когда мы впервые говорили с ней по телефону, я как раз готовила на ужин *pierogi* и *kielbasa*.

— Ты полька? — оживилась она.

— Нет, — ответила я. — Просто я люблю *pierogi*. Мы заказывали их в нью-йоркской ночной закуской, которая называлась «Киев в Нью-Йорке: Нижний Ист-Сайд».

— Наверное, мне бы там понравилось.

Пироги нас сблизили.

Дом Рены находится в небольшой долине, за ним луг, где пасутся стада коров. Со всех сторон по горизонту, словно арочные фермы мостов, нас окружают роскошные очертания Голубых гор. На подъезде к дому, прежде чем выйти из машины, я привожу в порядок мысли и содержимое портфеля. От своего дома в Пьемонте (Северная Каролина) я ехала сюда без малого два часа. Здесь, в горах, воздух прохладнее, зато солнце ярче, а ветерок, хоть в нем и чувствуется морозец, отнюдь не суров.

В доме меня тепло приветствует Ренин муж Джон. Мы жмем друг другу руки, и он кричит:

— Мамочка! К тебе приехала прекрасная леди!

Через гостиную к кухне мчится Рена — этакий сгусток энергии. Я представляла себе ее совсем не такой. Она энергична, жизнерадостна, словоохотлива.

— Папочка, предложи ей сесть. Ого, какая ты высокая! — улыбается она мне.

— Правда? У нас в семье я коротышка.

— А я в своей — великан. — Ее глаза радостно блестят.

— Хэзер, пойдём, поглядишь на Ренин бельевой шкаф! — Джон жестом зовет меня за собой.